

Глава 12. Оправдан.

11 июля 1995. Здание германского Визенгамота.

Уилфрид Валленштайн, единственный выживший из рода во времена второй Мировой войны, не скрывал удовлетворения, странно смотревшегося на его обычно недовольном костистом лице. Затянутый в строгий деловой фрак, делавший его похожим на дирижера, он сидел на тяжелом деревянном стуле в зале заседаний Международного трибунала, где сейчас должны были начаться слушания по делу несправедливо, как выяснилось, обвиненного отпрыска старинного английского семейства Блеков. С самим обвиняемым Уилфрид знаком не был, но при встрече собирался поставить ему не меньше галлона самого лучшего немецкого пива в знак благодарности за возможность мести. Уилфрид улыбнулся возникающим в голове мыслям.

Альфонзо Валленштайн, его отец, незадолго до Мировой войны вступил в заговор старинных аристократических семейств, решивших убить Гриндевальда, политика которого могла привести к большой войне не только в магическом, но и магловском мире, что в итоге и случилось. Однако в решающий момент, когда аристократы атаковали замок Гриндевальда, на их пути помимо немецкого мага встал Дамблдор, друг и соратник Геллерта, впоследствии обманувший и убивший своего партнера. Но в тот роковой день еще не было пробежавшей между Геллертом и Альбусом черной кошки, и они вдвоем сумели отбиться сразу от пятерых магов-аристократов, трое из которых залили собственной кровью залы и коридоры замка, дав возможность еще двоим отступить. Среди навечно оставшихся в том замке был и отец Уилфрида, не сумевший выдержать атаки сильнейших магов своего времени.

Сам Уилфрид, узнав о судьбе отца, прекрасно понимал, что самостоятельно отомстить убийцам не сможет, слишком уж неравными были силы, да и после убийства Геллерта Дамблдор ни разу не появлялся в негостеприимной для него и ничего не забывшей Германии. Однако же аристократ постоянно ждал того шанса, который выпадает только раз в жизни, даже если ценой этого шанса будет смерть. Титул же лорда Валленштайна, случись такая необходимость, примет на себя его сын, которым Уилфрид искренне гордился.

Сейчас же ситуация складывалась самая благоприятная. Неожиданное избрание Уилфрида в члены Трибунала со стороны Германии — при каждом переезде Трибунал частично обновлял свой состав, набирая наиболее влиятельных и образованных людей из той страны, где располагалась его новая резиденция. А теперь вот это дело, с помощью которого можно было добиться очень многого, пусть и косвенно, через прессу.

Размышления аристократа прервал гул колокола, означавший начало слушаний, и, привычно одев маску бесстрастного лорда, он приготовился действовать.

Председатель Трибунала Альберт Лихтенштейн, потомок старинного и очень богатого рода, призвал собравшихся к тишине. Огласив предстоящие обсуждению вопросы на этот день, главным из которых являлось дело Сириуса Блека, вовремя поданное к нему на стол, председатель приказал ввести англичанина, а также приглашенного за несколько дней до этого Дамблдора.

Директор Хогвартса, недовольно хмурясь, направился к предоставленному ему месту в центре зала, происходящее ему решительно не нравилось прежде всего тем, что в Германии ему не на кого было опереться, и приходилось рассчитывать только на собственные силы, чтобы не допустить потери лица.

Сириус Блек, вошедший в зал через противоположную дверь, спокойно уселся на стул рядом с

Уилфридом. Заранее подготовившийся к этому заседанию, он был одет как подобает аристократу и максимально жестко контролировал выражение лица.

— Благородные господа и леди... — Голос Лихтенштейна, усиленный магией, облетел весь зал. — Сегодня мы рассматриваем проблему, с которой не смог справиться глава английского Визенгамота, и которая была проигнорирована Министерством магии Англии. Я прошу Лорда Валленштайна рассказать о ней более подробно, как человека, который внес ее на рассмотрение.

Дамблдор, узнав знакомую фамилию, сверкнул глазами, но промолчал.

— Некоторое время назад ко мне, как к члену Трибунала, обратился через посредников наследник древнего и благородного английского семейства, Сириус Блек. Он предоставил мне свои воспоминания о том, в чем его несправедливо обвинили в Англии несколько лет назад, сразу же после смерти Темного лорда. В результате несправедливого обвинения, Сириус Блек, сильный волшебник и последний в роду Блеков, был заключен в Азкабан без суда. — По залу пронесся легкий ропот, но большинство магов решили подождать оглашения доказательств.

Дамблдор дернулся было, но Валленштайн не дал ему произнести ни слова, продолжив чуть громче.

— Сириус Блек провел на нижних уровнях Азкабана двенадцать лет. Наконец, в силу счастливой случайности, ему удалось бежать. — В этот раз ропот был громче, поскольку Азкабан считался неприступным и надежным местом, об этом было известно даже за пределами Англии. — Несмотря на обращение Сириуса Блека к все еще занимающему пост главы Визенгамота Англии Дамблдору, не было предпринято никаких мер по восстановлению справедливости. По версии Лорда Блека, Дамблдор сообщил, что «не имеется никаких возможностей это сделать, поскольку нет свидетелей совершенного преступления, без которых Корнелиус Фадж не пойдет на пересмотр дела».

Дамблдор с гневным возгласом прервал немца: — Я протестую против подобного заявления!

— Директор Хогвартса, Председатель конфедерации магов и глава английского Визенгамота, вы находитесь в Международном трибунале только в качестве свидетеля, так что вас попросят предоставить свою версию событий позже. — Лихтенштейн говорил бесстрастно, но в глазах точно так же читалось некоторое злорадство.

— Сириуса Блека обвинили в трех якобы совершенных им преступлениях: выдаче Лорду Вольдеморту семейства Поттеров, убийстве двенадцати маглов и убийстве Питера Петтигрю. Однако же воспоминания, предоставленные мне, говорили о полной невиновности этого человека, что дало мне право вынести дело на рассмотрение Трибунала.

Время тянулось медленно. Но если для Сириуса Блека, готового принять Сыворотку правды, каждая минута приближала его к долгожданному оправданию от всех обвинений и к отсылке решения о его невиновности в английский Визенгамот и Министерство магии, то для Дамблдора все яснее вырисовывались колоссальные потери репутации на европейской арене и в Англии. Присутствовавшие здесь репортеры немецких, английских и нескольких европейских газет старательно строчили в блокнотах и свитках, готовя материал, который будет востребован большинством магов Англии и Германии.

Прошла речь Дамблдора, не сказавшего, несмотря на все усилия немцев, ничего конкретного, кроме того, что «все факты указывали на Сириуса Блека», а также старавшегося свалить всю вину на ныне покойную Миллисент Бэггинс, занимавшую тогда пост Министра и наравне с

ним визировавшую отправку Сириуса в Азкабан.

Наконец Сириус Блек встал перед членами Трибунала, залпом выпив стакан с Сывороткой правды.

Председатель стал задавать вопросы, касающиеся обстоятельств дела, и собравшиеся в зале аристократы с гневом и удивлением выслушивали каждый ответ.

Сириус долго и в подробностях рассказывал о том, как Дамблдор, которому Поттеры доверяли, посоветовал им защитить дом заклатьем Доверия, сделав Хранителем тайны Блека, как самого сильного и способного позаботиться о своей безопасности волшебника. Как после ухода директора сам же предложил заменить хранителя на гораздо менее очевидного Питера Петтигрю, оказавшегося в итоге предателем. Как Питер привел Темного лорда в дом Поттеров спустя несколько дней. Как сам Сириус настиг Питтегрю на одной из Лондонских улочек, собираясь убить продавшего друзей мерзавца. Как Питер, подорвав один из домов, оставил оглушенного близким разрывом Блека с грудой валявшихся рядом тел и собственным пальцем, отрезанным, чтобы замести следы. Как его, оглушенного и мало что соображавшего, отправили на фарс, именуемый расследованием, и в тот же день бросили в Азкабан без всякого суда, забыв на многие годы. Как сбежал, узнав, что выживший предатель оказался в Хогвартсе рядом с крестником. И как Дамблдор отказался помочь ему восстановить доброе имя, мотивируя это отсутствием свидетелей.

Получив антидот, Блек некоторое время постоял, собирая в памяти все рассказанное, а потом сел обратно на свое место.

В зале стояла полная тишина, даже выдержка аристократов могла дать трещину при известии о подобном пренебрежении обязанностями главных людей государства и нарушении прав наследника старинного рода. Дамблдор тоже молчал, прикидывая, что необходимо сделать сразу по возвращении в Англию, чтобы уменьшить потери. Члены Ордена Феникса и до этого процесса знали, что Блек невиновен, так что их мнением о происходящем можно было пренебречь, тем более запудрить мозги доверявшим ему людям Дамблдор мог с легкостью. Оставалось решить, что делать с прессой и наверняка воспользующимся ситуацией Фаджем.

Наконец Лихтенштейн заговорил:

— Кто считает, что необходимо признать Лорда Блека невинным, выслать решение о снятии с него всех обвинений в адрес Министерства магии Англии, а также разослать материалы дела в адрес Министерств магии европейских стран, чтобы исключить повторение столь позорной истории?

Дамблдор искренне пожалел, что сейчас рядом с ним нет Фаджа, которому бы досталась большая часть разлившегося под стенами этого зала презрения и откровенной ненависти.

На лице Уилфрида Валленштайна царила открытая, яркая улыбка.

«Сириус Блек оправдан! Экстренный выпуск Ежедневного Пророка!», «Глава Визенгамота Альбус Дамблдор вызван в качестве свидетеля на заседание Международного Трибунала Волшебников в Германию», «Чудовищный произвол Бэгнолд и Альбуса Дамблдора!» — Корнелиус Фадж, читая кричащие заголовки газет, уже к вечеру выпустившие отдельные выпуски, посвященные только Трибуналу, довольно улыбался. Однако уже следующий заголовок, обвинявший в коррупции и произволе не только покойных Крауча и Бэгнолд персонально, но и все министерство в целом, заставил его подавиться чаем. Хотя даже этот жалкий газетный листок и полученная днем официальная бумага Трибунала об оправдании

Блека, не смогли испортить радужного настроения министра, наконец-то увидевшего, как облажался его политический и идеологический соперник. Директор Дамблдор, вызывающий у министра зубную боль своими вечными интригами и стремлением свалить ответственность на других, на этот раз сполна наслаждался сомнительной славой человека, отправившего своего вернейшего сторонника в Азкабан.

Такие размышления привели недалекого человека, ставшего министром только благодаря влиятельному лобби нуждавшихся в слабой власти аристократов, к мысли, что если Дамблдор ошибся в деле «сторонника» Того-кого-нельзя-называть, то и в вопросе так называемого возрождения Темного лорда ранее непогрешимый директор мог ошибаться. О том же твердил и вызванный министром вернейший советник и тайный спонсор Люциус Малфой. Наконец, совместными усилиями политик и аристократ, в глубине души презиравший глупого министра, выработали примерный план действий на ближайшее время, на случай, если Дамблдор попытается дестабилизировать общество заявлениями о Темном лорде.

Люциус Малфой, помахивая тростью, вышел из кабинета министра, откровенно довольный собственным интеллектом. Убедить надутого индюка Фаджа в том, что Дамблдор теряет свою хватку и начинает ошибаться, а потому постарается поднять свои акции заявлениями о противнике, с которым без помощи великого мага не справиться, оказалось легче легкого.

Встретив в Атриуме Министерства Артура Уизли, Малфой ехидно улыбнулся — живший практически на содержании у Дамблдора опустившийся человек был чем-то расстроен. А расстройство Уизли всегда поднимало настроение Малфой.

Получив свою порцию бессильной ненависти от Артура, Люциус Малфой спокойно аппарировал в поместье, после чего переместился для доклада на новую базу Темного Лорда, расположенную в глубине одной из гор Озерного края

Высокая, мощная фигура, закутанная в широчайшую мантию, встала навстречу вошедшему в зал Люциусу, и Малфой, внутренне кривясь, согнулся в глубоком поклоне, так что длинные платиновые волосы почти коснулись пола. Однако же на лице выпрямившегося аристократа, а также в тех мыслях, которые он позволял считать сквозь свои ментальные щиты, были только уважение и преданность. — Мой Лорд, я убедил Фаджа, что все попытки Дамблдора рассказать о Вашем возрождении — лишь жалкие потуги старика придумать обществу врага, с которым может справиться только Великий светлый маг, — последние слова аристократ произнес с легкой усмешкой.

— Ты хорошо поработал, Люциус. — Голос Лорда после выхода из подземелий Малфой-менора утратил странные шипящие интонации, будто горло величайшего темного мага снова стало человеческим. — Что можно сделать по Блеку?

— К сожалению, ничего, мой Лорд, — Люциус снова поклонился, молясь про себя, чтобы Вольдеморт дал ему высказаться. — Если Фадж попытается пойти против Международного трибунала, — то его политической карьере вполне может прийти конец. Не знаю, кто помог Блеку донести свое дело до Трибунала, но, надо отдать должное этому незнакомцу, он нашел самое эффективное решение. История несправедливо обвиненного аристократа сейчас обсуждается всей европейской прессой, так что этот раунд остался за ними. — Поймав тень неудовольствия на лице Лорда, аристократ чуть быстрее продолжил. — Но мы можем попытаться снова подставить его, благо теперь Дамблдор не станет защищать бывшего вернейшего сторонника.

— Подумай об этом, Люциус. Блек уже начал переговоры с нейтральными семьями, а после

оправдания удвоит усилия. И еще одно интересное событие, которое ускользнуло от всеобщего внимания. — Лорд помолчал. — Северус сообщил мне, что Поттер пропал. Найди его, объяви награду за его голову.

12 июля 1995. Особняк Блеков.

В особняке древнейшего и благороднейшего семейства Блеков царила предпраздничная обстановка. Едва получившие весть от хозяина, что готовится празднование с приглашенными гостями, домовики приступили к приготовлению роскошного пиршества. Невзирая на славу темной семьи, сам Сириус хорошо относился к домовикам, приняв к сведению аргументы, приводимые крестником.

Ровно в полдень из камина вышли сам Сириус, подчеркнуто прямая осанка которого говорила о немалой дозе принятого алкоголя, Люпин, еще не успевший выпить столько же, сколько вернувшийся из Германии друг, а также лорд Уилфрид, за которым по воздуху летела подозрительно булькавшая громадная бочка. Невзирая на некоторые внешние различия, оба аристократа нашли общий язык на почве ненависти к Дамблдору, выразить которую долгое время мешали внешние обстоятельства. С Ремусом Люпином же Валленштайн познакомился только сейчас, но, представленный ему как лучший друг Блека, оборотень не вызвал у него никаких негативных чувств, — сейчас аристократ пребывал в состоянии удовлетворения всем окружающим, и дело было не только в алкоголе. Вовремя проспонсировавший нужных людей в европейских газетах Валленштайн добился таких формулировок в вышедших статьях, что Дамблдору в Европе еще долгие годы не восстановить репутации у действительно серьезных игроков в политику.

Сириус, медленно опустившись на стул у накрытого стола, быстро подозвал эльфа с пером и бумагой, чиркнул несколько фраз в свитках и тут же приказал их отправить. В приглашениях, высланных Блем Аластору Грюму, а также Андромеде Тонкс, в девичестве Блек, содержался одноразовый допуск сквозь защитные чары особняка.

Спустя какое-то время, посвященное тремя проголодавшимися мужчинами обильной еде, в противовес не менее обильной выпивке, употребленной ранее, сквозь языки пламени из камина шагнул Аластор Грюм.

— Блек, тысяча кровавых демонов! Я давно так не смеялся, читая эту продажную прессу! Жаль, что я не видел выражение лица ублюдка Фаджа, впрочем, этот идиот наверняка доволен, как обожравшийся кот. — Аластор отхлебнул из фляжки, а потом со всех сил хлопнул вставшего навстречу аристократа по плечу. — Мои поздравления, Сириус. — Уже тише произнес он. — Я думаю, что завтра к обеду нам с тобой найдется о чем поговорить, верно?

Сириус утвердительно кивнул, после чего Аластор, представленный Уилфриду, с уважением посмотревшему на лучшего аврора Англии, сел, в свою очередь приступая к трапезе.

Единственное, о чем жалел бывший Мародер, так это об отсутствии в доме крестника, с которым только и успел, что кратко переговорить по сквозному зеркалу. Но Гарри Поттеру в ближайшие месяцы было противопоказано появляться в Англии, а выдавать своим визитом его убежище Сириус не собирался.

Еще полчаса спустя из камина, предупредительно встреченные хозяином дома и Люпином, имевшим свой интерес в этом деле, вышли Андромеда Тонкс и её дочь Нимфадора, попытавшаяся было по привычке приветствовать Аластора как подчиненная, но вместо этого усаженная за стол. Несколько протрезвевший Уилфрид вежливо поцеловал дамам руки и снова

вернулся к еде.

Домовые эльфы отлевитировали новую смену блюд на стол, а также перед каждым мужчиной появился, на всякий случай, стакан с зельем, снимающим опьянение, что вызвало легкие смешки у присутствовавших дам.

Нимфадора Тонкс, еще не бывавшая здесь, с любопытством украдкой осматривала помещение — широкие потолочные балки, со свисавшими с них чучелами каких-то уродливых существ, развешанные по стенам мечи и алебарды, блестящие начищенной сталью, изысканную деревянную мебель.

Дождавшись, пока все гости окончательно насытятся, Сириус заговорил.

— Я хочу поблагодарить всех, кто пришел сегодня в мой дом. Но прежде, чем мы выпьем за мое освобождение, я хотел бы поднять бокал за моих друзей, Джеймса и Лили Поттеров, в смерти которых меня когда-то обвинили. Пусть сон их будет крепким. — Он молча опрокинул бокал, швырнув его затем в огонь, пылавший в камине. По щеке мага поползла слеза, которую он сердито смахнул ладонью.

— А теперь я хочу поблагодарить благородного человека, Уилфрида Валленштайна, благодаря помощи которого моя проблема попала в Международный трибунал. — Сириус поднял новый бокал.

— Лорд Блек, — Уилфрид встал. — Я тоже хочу поблагодарить вас за то, что вы предоставили мне возможность хотя бы таким способом отомстить убийце моего отца, павшего за свободную и независимую Германию от рук Дамблдора. — Тут женщины вскрикнули. — Думаю, сейчас он смотрит на меня с небес, и душа его может упокоиться в мире. — Аристократ залпом допил вино и, подражая Блеку, бросил бокал в огонь.

Аластор Грюм, внимательно слушавший обоих магов, резко протрезвел, поняв, что завтрашний разговор может оказаться еще более интересным. Впрочем, подумалось ему, тем лучше.

— И есть еще одно дело, ради которого я пригласил вас сегодня. — Сириус, поклонившись в ответ на благодарность Уилфрида, снова привлек к себе внимание. — Как знают все присутствующие, за исключением Лорда Уилфрида, некогда я был изгнан из рода за несогласие с политикой семьи, но после того, как я остался последним мужчиной-Блеком, кое-что изменилось. Магия рода снова приняла меня, как полноправного члена, но чтобы стать Главой, мне потребуется ритуал, который подсказал мне портрет моей матушки. — Валленштайн, внимательно его слушавший, кивнул, вспомнив названный ритуал, и по-новому посмотрел на собравшихся в комнате. — Но для этого ритуала требуется помощь и ручательство аристократа, Главы Рода, а также поддержка двух сильных волшебников. А после того, как я верну себе свои права, я смогу отменить твоё изгнание, Меда, — он с приятной улыбкой посмотрел на невольного прижавшую к лицу руки Андромеду, — и принять в род тебя, Нимфадора. — Девушка во все глаза смотрела на Сириуса, пораженная такой возможностью.

Уилфрид согласно кивнул.

— Вы затеяли благородное дело, Лорд Блек, не гоже давать угаснуть магии такого сильного рода, если есть достойные продолжатели дела предков. — Успевший оценить своего нового приятеля аристократ говорил совершенно серьезно.

Люпин и Грюм, переглянувшись, согласно кивнули.

Сразу после этого гости направились в глубочайшее подземелье особняка — в комнату, на полу которой были выгравированы руны, являющиеся основой защитной магии дома. В этом месте член рода мог напрямую обращаться к родовой магии, и, если его сочтут достойным — получить желаемое. Никогда не бывавшая здесь Нимфадора тихонько ахнула.

Домовые эльфы осторожно внесли и повесили на стену портрет матери Сириуса, пожелавшей наблюдать за церемонией. Сириус, поклонившись матери, встал в центре комнаты, прямо в круг засиявших всеми цветами радуги рун. Напротив него, вытащив палочку, встал Уилфрид, а по бокам — Аластор и Люпин. С каждым мгновением пребывания в рунном круге участников ритуала окружало все более яркое свечение.

Наконец Сириус заговорил. Четкими, чеканными фразами, произносимыми на давно мертвом языке, он просил родовую магию позволить ему искупить собственные ошибки и вернуть роду былую славу. Он просил дать ему, как последнему мужчине в роду, титул Главы Рода.

Следующим в речитатив Сириуса вклинился голос Уилфрида, подняв палочку, аристократ произнес формулу ручательства за своего приятеля, и радужная дорожка силы соединила двух мужчин.

Ремус и Аластор, подняв палочки, хором прочитали формулу поддержки, тоже вызвавшую радужные связи между ними и Сириусом, сияние рунного круга нарастало и даже стены и потолок начали светиться все ярче и ярче, как будто сама Магия пришла в этот подземный зал.

С почти ослепляющей вспышкой на пальце Сириуса появилось новое кольцо, а предыдущее распалось жирным пеплом. Огненный смерч, не обжигая, окружил новоиспеченного Главу Древнейшего и Благороднейшего рода, давая власть над всеми аспектами родовой магии. Церемония завершилась.

Сириус, в блеске еще не до конца взятой под контроль силы, развернулся к участникам церемонии и с глубокой признательностью поклонился. Домовые эльфы принесли традиционные в таких случаях дары, — покрытые резьбой причудливые перстни, знак благодарности и обещание поддержки рода Блеков людям, оказавшим ему великую услугу.

Затем он посмотрел на портрет матери, по лицу которой, казалось, катились слезы, и поклонился еще ниже.

Трое мужчин отступили в сторону, оставляя в центре круга только Сириуса, и вышедшую вперед Андромеду Тонкс, которой предстояло снова стать Андромедой Блек. Сириус, подняв руку, вызвал сверкание магии вокруг женщины, в одном месте оставшейся обугленным черным пятном, где были обрублены нити связи с родовой магией. Короткое движение палочки — и кровь главы рода брызгает на место разрыва, с яркой вспышкой соединяя разорванное когда-то, и женщина почти упала на пол, внезапно ощутив резкий прилив сил и касание родовой магии. Люпин и Аластор осторожно отвели временно потерявшуюся в глубине своего Я женщину, а в круг вступила, повинуясь жесту Уилфрида, Нимфадора.

Сириус палочкой осторожно извлек каплю крови из руки девушки в появившуюся у него в руках золотую чашу, а потом туда же упала кровь из его запястья, зашипев на внезапно раскалившемся металле. Белое сияние окружило девичью фигуру, показывая, что магия рода приняла и её.

Долгая разлука трех людей со своей семьей и с магией рода наконец-то закончилась. Разойдясь по спальням обширного особняка, люди погрузились в сон, смывающий невероятное

напряжение всех нервных сил, требовавшееся для ритуала.

Проснувшийся довольно рано, несмотря на вчерашние возлияния, Сириус, тут же обратился к магии особняка: женщины еще спали, Лорд Уилфрид с полчаса назад уже отправился через камин в Германию, а Люпин и Аластор сидели в главном зале за чашкой свежего кофе. Наскоро умывшись, он пошел в главный зал — предстоял серьезный разговор.

Не обращая внимания на дернувшегося по привычке к палочке аврора, врожденная и закрепленная во множестве переделок паранойя которого уже не вызывала улыбок Сириуса, он сел в кресло возле камина, напротив Лунатика и Аластора.

— Я думаю, вы оба догадались, о чем пойдет речь. — Сириус говорил без улыбки.

— Сложно не догадаться, когда ты в лицо бросаешь директору обвинение в том, что твоего крестника избивали все его детство. — Грюм поерзал в кресле. — Мне куда интереснее будет услышать те доводы, с помощью которых ты будешь уговаривать присоединиться к вашему маленькому заговору меня. — Улыбка на изуродованном лице аврора смотрелась довольно странно.

— Лунатик, ты всегда был моим другом и другом Джеймса и Лили. — Сириус перевел внимание на Люпина. — Но вместе с тем ты также был благодарен Дамблдору за то, что тот позволил тебе учиться в Хогвартсе, а потом и изредка поддерживал, когда ты остался без работы из-за указов министерства, касающихся прав оборотней.

Люпин кивнул.

— Бродяга, я знаю, что, будь ты все эти годы на свободе, ты не забыл бы про меня и мои проблемы. Но что такого прислал тебе Гарри, что ты готов был разорвать директора на части?

— Думаю, ответ проще увидеть, чем услышать... Кричер! Мой Омут памяти сюда, быстро! — Сириус, которому крестник разрешил использовать воспоминания для вербовки, решил пойти с самого сильного козыря, показав будущим, в чем он не сомневался, сторонникам, все три воспоминания.

Оба мужчины быстро сунули головы в мерцающий нездешним светом Омут, погрузившись в изучение. Сириус, помня о своей реакции на увиденное, манящими чарами призвал к себе три бокала и доверху наполнил их крепчайшим бренди. Поставив бокалы на стол, он стал ждать.

Выбравшийся из Омута Аластор казался еще более мрачным и задумчивым, словно в его голове, встала на место какая-то давно неуловимая мысль. Его волшебный глаз застыл на одном месте и как-то даже потух. Люпин, бледно-зеленый от увиденного, залпом опрокинул протянутый ему бокал и затих, глотая воздух от неожиданно крепкого содержимого бокала.

— Знаешь, Сириус, ты меня все же удивил. — Аластор был на удивление серьезен. — Я нечасто видел такое откровенное дерьмецо в жизни, а меня удивить сложно, сам понимаешь... Я всегда знал, что Дамблдор — человек с гнильцой, несмотря на все заявления о всеобщем благе, но чтоб ради этого блага так испоганить человеку судьбу... — Аврор потянулся за бутылкой, налив себе следующий бокал. — Я согласен. — Опрокинув второй бокал в глотку и блаженно прислушиваясь к разгоревшемуся внутри пожару, аврор вдруг рявкнул: — Мне надоело сидеть в прогнившем и безвольном Ордене, пока все эти Пожирательские крысы бесчинствуют на улицах. Война, что бы ни думали себе Фадж и даже Дамблдор, уже началась, и первая жертва в ней — сын Амаса Диггори.

— Люпин! — Аврор потряс ушедшего в себя оборотня, тот медленно поднял глаза на товарищей, поразив их яростно горящим в зрачках пламенем.

— Я с тобой, Сириус. — Оборотень сейчас казался еще опаснее аврора, хотя обычно был довольно тихим и уравновешенным существом.

— И опять же... — Грюм несколько секунд колебался, стоит ли продолжить. — Я нечасто вспоминаю, что мой род уходит корнями в глубину Темных веков, но я согласен с тобой, — лишить потомка Поттеров надлежащего обучения, знаний о наследстве рода, магии, финансах.. Это преступление и оскорбление аристократов.

— Что будем делать с его «друзьями»? — Люпин явно жаждал крови.

— Жаль, что эта... Гермиона оказалась предательницей. Невзирая на всю ее книжную премудрость, у нее сильная кровь и магия... Я даже одно время надеялся, что Гарри ей увлечется, потеснив этого рыжего недоумка, но — теперь уж точно не судьба.

— Думаю, с этой парочкой пока лучше ничего не делать — Дамблдор ничего не должен знать. — Грюм злорадно засмеялся. — Мы должны подготовить для Поттера ту сторону в грядущей войне, на которую он сможет опереться, не боясь предательства, раз уж нам самим с Темным лордом не совладать. Что ты там говорил насчет Риманов, Джонсов и Кармайклов? Они будут в деле?

— Добавь к ним еще Августу Лонгботтом, мой подозрительный друг. — Сириус отпил глоток бренди. — После того, как были фактически убиты ее сын и невестка, она не раздумывая присоединилась к тем, кто будет противостоять Упивающимся не на словах, как Орден Феникса, а на деле. Ну и вернувшуюся Меду с Дорой сбрасывать со счетов нельзя.

— Значит... сбор новой партии и война... — Неожиданно для всех вздохнул Аластор. — Надеюсь, когда она закончится, я наконец-то смогу уйти на покой, оставив Аврорат без присмотра.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848523>